

24.00.00 Cultural studies

24.00.00 Культурология

UDC 78

Ethnic Self-Identification and Musical Traditions of the Rural Population of the Russian-Belarus Border Areas

Aishat A. Gadjieva

Russian Ethnographic Museum, Russia
4/1 Inzhenernaya Str., St. Petersburg 191011
Leading research scientist
E-mail: aishatg@mail.ru

Abstract. The bordering area of distribution of ethnonyms: Russian / Polish – Muscovites / Skobars is considered as the area of interaction of the Northern-Belarus and the Northern-Russian musical traditions.

Keywords: ethnic identity; musical traditions; intercultural dialogue.

На рубеже XIX–XX вв. развернулась дискуссия об этнической принадлежности населения Северо-Западного края, языковых и этнографических границах (музыкальные данные не были учтены). Наиболее острые споры разгорелись вокруг вопроса интерпретации переходных и смешанных говоров. Препятствовали выработке единых подходов слабая этнографическая изученность пограничных регионов и аморфность этнического самосознания местных жителей. Корреспондент П.В. Шейна, И.О. Карский, отметил, что крестьяне Гродненской губернии не называют себя ни русскими, ни белорусами, а некоторые считают себя литвинами. «Вообще о себе и своей стране они выражаются так: «мы тутейшые, наша страна ни руска, ни польска, але забраны край!» [1].

Минувшее столетие внесло коррективы в этнокультурную идентичность горожан, но слабо затронуло самосознание сельских жителей. На рубеже XX–XXI вв. фиксируются три варианта этнической самоидентификации (порой у одного и того же информанта):

1) мы – «туташиные» (не русские и не белорусы; жители одной деревни / села / прихода / города), они – «люди из-за леса» (русские, белорусы; жители другой деревни / села / прихода / города);

2) мы – русские, но не москали (в восточной части ареала) / не скобари (в западной, аналогичные высказывания зафиксированы в Латгалии);

3) мы – поляки, они – москали (скобари). Те, в свою очередь, дразнили местных жителей «лесунами, поляками». Каждая из версий самоидентификации имеет свое музыкальное воплощение. Информанты не только отмечают наличие / отсутствие тех или иных обрядов, текстов, музыкальных инструментов, исполнительских приемов, но, кроме того, нередко указывают, где они слышали (выучили) или видели (приобрели) подобное [2].

Граница распространения эндо- и экзоэтнонимов поляки / русские – москали / скобари (на севере – по водоразделам Зап. Двины с верховьями р. Великой и Ловати, на востоке – по водоразделам верховьев Зап. Двины и Волги, Днепра и Оки) маркирована пучками изоглосс, изомел и соответствует древнейшему рубежу двух историко-культурных зон (ИКЗ), датируемому археологами и антропологами 3–

2 тыс. до н.э. Комплексная реконструкция истории Днепро-Двинской ИКЗ по данным археологии, антропологии, лингвистики и этнографии, позволила воссоздать «длительный путь языковой эволюции от неизвестных нам уже типов к балтийскому языковому типу, от него к балто-славянскому и постепенно к восточнославянскому, (северобелорусскому, южнопсковскому)» [3]. Севернее рубежа оформилась генетически родственная ИКЗ Верхней Руси с ощутимым финно-угорским субстратом [4].

Обрядовый фольклор бытует по обе стороны границы. Ареалы распространения обрядовых музыкальных типов (МТ), как правило, не совпадают с границами современных этносов / государств и не сводимы к белорусско-русским совместным переживаниям. Так, региональный МТ индивидуальных голошений («плачей-воплей», по И.И. Земцовскому) – двухрегистровых, с чередованием протяжного пронзительного крика в верхнем регистре и быстрой тихой речитации в нижнем, – объединяет рассматриваемые субэтнические группы, очерчивая территорию летописных кривичей (полоцких, псковских, тверских и смоленско-витебских). Сравнительное изучение типологически (а, возможно и генетически) родственных лесных и полевых кличей позволяет ставить вопрос о северных, в частности, скандинавских, параллелях [5].

За единичными исключениями, рассматриваемая граница практически непроницаема для собственно обрядовых календарных песен: календарный фольклор Псковско-Новгородских территорий, с одной стороны, и Поозерья [6], с другой, представлен разными, территориально разведенными, типами обрядовых текстов. В Псковско-Новгородской зоне – песнями зимних обходов дворов (бесприпевными колядками, известными также за пределами региона, и / или «Виноградьями» - уникальной русской песенной формой с припевом «Винограде красно-зеленое»), непесенными формами (обрядовыми выкриками, приговорами, припевками разных календарных периодов, в некоторых локальных традициях – полевыми голошениями, исполняемыми в период кукования кукушки), а также сезонно закрепленными песнями разных жанров (широко распространенными и за пределами региона). Свадебный фольклор представлен причетью (индивидуальной и групповой) и песенными формами, исполняемыми в многоголосной фактуре: обрядовой лирикой (к которой относятся и сиротские песни), величаниями, а также необрядовыми текстами. Связи с календарными напевами ослаблены.

Жанрово-стилевую доминанту песенной системы Поозерья образуют календарные и родственные им свадебные песни, исполняемые в одnogолосной (точнее, гетерофонной унисонного типа) фактуре. На сегодняшний день выявлено более сорока МТ календарных напевов и двадцати – свадебных (политекстовых и, как правило, полифункциональных). Календарно-песенный фольклор фиксируется повсеместно; здесь встречаются практически все, известные в рамках восточного славянства, жанры, представлены мужская и женская традиции исполнительства. При значительном разнообразии жанров и форм, пестроте «интонационно-попевочного словаря», календарному циклу присущи удивительная цельность, сближение разнородного материала, развитая система интонационно-ритмических взаимосвязей как между песнями годового круга, так и с песнями иных циклов, в том числе и необрядовых (лирических, хороводных, игровых и пр.). Даже заимствованные тексты, включаясь в эту систему, переинтонируются, адаптируются традиционным музыкальным мышлением. Картографирование календарных напевов Поозерья обнаружило разные типы связей текстов весенне-летне-осеннего периода (полесские, славянские, балтославянские, балтские) и зимнего периода годового круга (межэтнические колядки с припевом «Коляда!», бытующие исключительно в контактных зонах – восточнолитовские, латгальские,

южноэстонские, поволжские – русские, мордовские), отражающие разные этапы формирования региональной культуры и, соответственно, маркирующие этнические общности разной исторической глубины [7].

Рассматриваемая граница четко разделяет два подтипа свадебного ритуала восточных славян (по К.В. Чистову): трехчастного и кругового. Музыка свадебного обряда, напротив, отражает межрегиональные и межэтнические связи разных уровней: от элементов музыкальной речи до интонационной системы обряда в целом. Картографирование факта наличия/ отсутствия тех или иных МТ, вербальных текстов, комплексов, дает обобщенную характеристику свадебного обряда, маскирующую структурно-функциональные различия его подтипов. Для выявления различий необходимо исследовать специфику бытования ведущих МТ разных микролокальных традиций (с учетом частотности звучания, пространственно-временной приуроченности, координации с другими компонентами обряда).

Идентичный похоронным плачам, МТ голошений невесты объединяет традиции Поозерья и Псковщины. Особенностью севернобелорусской свадьбы является голошение невесты под инструментальный наигрыш (включая голошения невесты-сироты на кладбище) на скрипке, цимбалах или гармонике. На Псковщине «плач-воплъ» невесты звучит на фоне «плача-песни» (по И.И. Земцовскому) – групповой причети подружек, маркирующей севернорусские традиции (в белорусской традиции подружки не голосили вообще).

Некоторые общеполесские/полесские МТ, по мере продвижения на север, трансформируются из полифункциональных/политекстовых в монофункциональные/монотекстовые (то есть, собственно песни), выступая порой заместителями редуцированных обрядовых действий (таких, как обряд «калинки»). Место сквозных МТ могут занимать свадебные напевы Русского Северо-Запада (в особенности, псковские). Включенные в иной контекст (например, столбовой ритуал), напевы эти обретают новые функции и значения, подчиняясь закономерностям севернобелорусского ритуала (Невельский р-н). Нередко элементы севернорусские и севернобелорусские объединяются в одном обрядовом цикле по принципу дополнительности. Например, в Себежском р-не и на западе Невельского система предсвадебных обрядов оформлена севернорусскими песнями и причетью, собственно свадьба – северно- и общеполесскими, с общерусскими включениями.

В зоне русско-белорусско-латышского пограничья (Глембочинская вол. Себежского р-на) отмечена наилучшая в регионе сохранность обрядового фольклора и зафиксированы наиболее полные циклы календарных (включая не выявленные в смежных южнопсковских традициях веснянки) и семейно-обрядовых песен (в том числе не известные в сопредельных северо-восточных микродиалектах крестинные), сложилась уникальная инструментальная культура, вместившая русские гусли и балалайку, белорусскую скрипку и цимбалы (до войны тут бытовала еще и центрально-европейская волынка-дуда) и по сей день не утратившая пастушеские рожки и трубы. Но самой яркой особенностью данного микроареала, резко отличающей его от соседних южнопсковских (при совпадении большей части МТ обрядовых песен!), является сохранившаяся здесь, наряду с распространенной в Поозерье унисонно-гетерофонной манерой ансамблевого пения, специфическая архаичная форма антифонного многоголосия, маркирующая календарные песни, – бурдон, выдержанный на заключительном гласном звуке песенной строфы, без воспроизведения в бурдонирующем голосе ритмики произносимого вербального текста. «Такой тип антифона... известен центральным и северным вепсам, латышам, белорусам Полоцкого района Витебской области, и в такой форме его можно считать явлением локального на сегодняшний день порядка <...> этот <...> тип

многоголосия нигде в центрально-восточной Европе, кроме обозначенной зоны, не зафиксирован» [8].

В сфере необрядового фольклора межкультурный диалог происходит значительно активнее. Широко распространены заимствования «чужих» репертуаров (особенно вокально-инструментальных, танцевальных жанров и необрядовой лирики), «чужих» музыкальных инструментов (например, «петроградки» - петербургской гармонике, заменившей волынку-дуду, или занесенных в эти земли евреями и цыганами цимбал, ставших этническим символом белорусов), а также пародирование «чужих» текстов (ряжеными в календарных обрядах и свадьбе; музыкальные вставки в сказках, бытовых рассказах, анекдотах). Западноевропейские танцы (полька, вальс, тустэп, кадрили и пр.), фольклоризовавшиеся авторские тексты, вроде «Казачьей колыбельной» М.Ю. Лермонтова или многочисленных жестоких романсов, интерпретируются непременно как свои, причем «давнейшие» песни (тексты эти порой столь сильно трансформируются, что исполнители действительно вправе считать их своими). В то же время в усвоении необрядовых текстов обнаруживается определенная избирательность, требующая самого тщательного изучения [9]. Так, распространению раннетрадиционной лирики за пределы Поозерья, вероятно, препятствуют её тесные связи с обрядовым мелосом, а также бытование в Псковско-Новгородской зоне более развитых форм лирической песни, включая протяжную форму. Образцы познетрадиционной лирики (за исключением протяжной), напротив, проникают в Поозерье и, порой, оказывают влияние на местные стили (включая обрядовые напевы).

В целом, музыкальный фольклор пограничных регионов демонстрирует разные уровни этнокультурного взаимодействия – от отдельных заимствований до бинарно-/тернарно-этнических жанрово-стилевых фольклорных систем и культурно-языковой ассимиляции [10].

К музыкальному фольклору русско-белорусского пограничья, как к неисчерпаемому источнику, неоднократно обращались выдающиеся композиторы и художники прошлого и настоящего. Так, в одной только сцене Проводов Масленицы в опере «Снегурочка», Н.А. Римский-Корсаков использовал три местных напева: колядный, масленичный, волочебный, а также игровой и плясовой, бытующие и за пределами рассматриваемого региона, и на их основе создал яркое, красочное полотно, воплотившее силу и мощь народной стихии.

В наше время для сохранения уникальной культуры предпринимаются определенные шаги: областные центры народного творчества и районные администрации проводят фестивали и фольклорные праздники; фольклорными экспедициями учреждений Санкт-Петербурга, Москвы, Пскова, Смоленска и другими собирается и публикуется материал. Меры эти чрезвычайно важны, но их недостаточно: судьбы традиционной культуры в эпоху глобализации зависят от возможности выживания/возрождения деревни, где сегодня практически не осталось молодежи. В фильме «Ностальгия» Андрея Тарковского цитируются две подлинные звукозаписи усвятской «песнехорки» О.Ф. Сергеевой (свадебный плач и лирическая песня). Голос за кадром звучит как символ далекой Родины, как плач по утраченной гармонии и цельности, как предостережение...

Примечания:

1. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Т.3. СПб., 1902. С. 97–98.

2. Подробнее, см.: Гаджиева А.А. Этномузыковедческая проблематика русского Поозерья // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шёгреневские чтения: Сб. ст. СПб., 2011. С. 19–37.

3. Герд А.С. Язык и речь Псковского края // Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1999. С. 46.

4. Подробнее см.: Булкин В.А. Днепро-Двинская историко-культурная зона по данным археологии // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны. СПб., 2001. С. 25–30; Герд А.С. Исторические границы и ареалы на территории Днепро-Двинской историко-культурной зоны и Верхней Руси по данным разных гуманитарных наук // Там же. С. 252–254.

5. В белорусской научной литературе данным термином обозначается область распространения витебской и полоцкой групп говоров северо-восточного диалекта белорусского языка. См.: Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя Мінск, 1989. С. 152–153.

6. Подробнее см.: Лобанов М.А. Лесные кличи. СПб., 1997.

7. Подробнее см.: Гаджиева А.А. Календарные напевы Верхнего Поднепровья и Подвинья // Очерки исторической географии... С. 139–187.

8. Тавлай Г.В. К развитию идей Г.И. Благодатова в этномузыкологии: Сонористика, гетерофония, антифония в инструментальном и вокальном многоголосии // Вопросы инструментоведения: Ст. и мат-лы V междунар. инструментоведческой конф. «Благодатовские чтения». СПб., 2004. Вып. 5, ч. 1. С. 42.

9. Ср.: Моргенштерн У. Совместимость и несовместимость местных инструментальных репертуаров: наблюдения над восприятием чужого у деревенских музыкантов Русского Северо-Запада // Контонация: перспективы музыкального искусства и науки о музыке: [мат-лы Междунар. Инструментоведческого конгресса] СПб., 2011. (Вопросы инструментоведения; Вып. 8). С. 101–107.

10. См.: Лапин В.А. Фольклорное двуязычие: Феномен и процесс // Искусство устной традиции. Историческая морфология. Сб. ст., посв. 60-летию И.И. Земцовского. СПб., 2002. С. 28–38.

УДК 78

Этническая самоидентификация и музыкальные традиции сельского населения русско-белорусского пограничья

Айшат Ахмедовна Гаджиева

Российский Этнографический музей, Россия
191011, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4/1
Ведущий научный сотрудник
E-mail: aishatg@mail.ru

Аннотация. Граница распространения этнонимов русские / поляки – москали / скобари рассматривается как область взаимодействия севернорусских и севернорусских музыкальных традиций.

Ключевые слова: этническая идентичность; музыкальные традиции; межкультурный диалог.